
Ю. Э. ПАВЛОВА

ФЕНОМЕН ПЬЯНСТВА КАК ДЕВИАЦИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XVI–XVII ВЕКОВ

Статья посвящена возникновению феномена пьянства в России во время социально-экологического кризиса XVI – XVII веков.

Ключевые слова: *пьянство, девиация, норма, кризис, социоестественная история, аномия, коллективное бессознательное, культура, ценности, стереотипы, традиции, идеалы.*

Ах, эта вечная русская потребность праздника! Как чувственны мы, как жаждем упоения жизнью, – не просто наслаждения, а именно упоения, – как тянет нас к постоянному хмелю, к запою, как скучны нам будни и планомерный труд!

И. А. Бунин

Рассматривая феномен пьянства в России, мы поднимаем сразу ряд вопросов. Является ли алкоголизм частью русской культурной традиции? Когда и как пьянство перешло в область манипулирования, как возникали соответствующие стереотипы? Связано ли это явление только с воспоминаниями о детстве, с полученным воспитанием, образованием индивида или с чем-то более глубоким? Иными словами, связано ли оно с сознанием или подсознанием? С коллективным бессознательным К. Юнга? С общественным бессознательным социоестественной истории? Прежде чем искать ответы на все эти вопросы, надо квалифицировать само явление и рассмотреть его фундаментальные особенности.

С точки зрения социологии пьянство – одно из проявлений девиантного поведения, а *девиация в социальных науках обозначает поведение, нарушающее общепринятые в данном обществе нормы и правила. Сюда относятся правонарушения, преступность, алкоголизм, наркомания и др.*

Проблемами девиации занимаются психология, культурология, социология и криминология, предлагая свои ракурсы рассмотрения

и практического применения. Биологическое и психологическое объяснения девиации связаны главным образом с анализом девиантной личности. Криминологи делают акцент на поиске базовых причин преступности, видя их в специфике общественного устройства и особенностях отношений между членами общества. Социологическое объяснение учитывает социальные и культурные факторы, которые обуславливают поведение людей.

Глубинной причиной девиантного поведения является конфликт норм в культуре, который может иметь место как в стабильном, так и в кризисном состоянии общества. Для отдельных личностей отклонение от нормы – такое же естественное социальное явление, как и конформизм. Однако для общества в целом также возможно девиантное поведение. Для социального, массового явления основная причина девиации – «безнормность», состояние ценностно-нормативного вакуума социальной аномии, возникающего в кризисном состоянии. Как же, исходя из этого, оценивать пьянство в России, условия его возникновения и отношение к нему самого народа? Прежде всего отметим, что свои выводы о девиации Э. Дюркгейм (1994; 1996), Р. Мертон (1966) и другие социологи последних полутора веков делали на основании массового количественного, статистического материала, которого не имеет исследователь прошлого нашей страны, вынужденный поэтому опираться на качественные оценки явления, как это делают историки.

О культуре потребления спиртных напитков много писал Н. И. Костомаров, один из самых глубоких исследователей русской повседневной жизни. Отнюдь не худшие, а лучшие проявления человеческих чувств, по мнению ученого, были неразрывно связаны с потреблением хмельных напитков: «...радость, любовь, благосклонность находили себе выражение в вине». По его словам, русский народ «славился любовью к попойкам», приписывая пьянству почти героическую сущность (так, в старинных песнях доблесть богатыря измерялась, в частности, его способностью перепить других, выпив невероятное количество вина). Более того, Костомаров пишет, что потребление вина ставилось выше ценности жизни. «Если высший хотел показать свою благосклонность к низшему, он поил его, и тот не смел отказываться: были случаи, что знатный человек ради забавы поил простого, и тот, не смея отказаться, пил до того, что падал без чувств и даже умирал. Знатные бояре не считали предосудительным напиваться до потери сознания и с опасностью потерять жизнь... простой народ находил, что ничем так нель-

зя почитать праздника, как пьянством: “кто празднику рад, тот до свету пьян”, – говорил и говорит народ великорусский» (Костомаров 1995: 114, 126).

Исходя из подобных высказываний (имплицитно подразумевающих, что пьянство – социальное явление, признанное в общественном сознании как изначально присущее русскому народу), можно сделать такие выводы. Сами русские люди не считали злоупотребление хмельными напитками отклонением от нормы, отождествляли подобное времяпрепровождение с праздниками и придавали ему особую, фиксированную в ритуалах ценность.

Подробное описание пиров у Костомарова «привязано» к XVI–XVII векам. Пирыв устраивались по поводу любого торжественного события (приемы, обряды), ритуал пиров был сложный, строгий и продолжительный. «Отличительной чертой русских пиров было чрезвычайное множество кушаний и обилие в напитках». Хозяин старался напоить гостей так, «чтоб их отвезли без памяти восвояси» (Там же: 111–112). Веселье на пирах прямо ассоциировалось с количеством выпитого.

Костомаров также отмечает, что строгое соблюдение ритуалов тем не менее позволяло не слишком выходить за рамки принятых приличий, в то время как пиршества у разгульных людей, где ритуал не соблюдался или соблюдался нестрого, отличались особой разнузданностью, иногда заканчивались драками и даже убийствами. Насколько глубоко пьянство входило в жизнь людей, можно судить по частоте устраиваемых пиров. Пирыв давались по случаю больших праздников и значимых семейных событий, т. е. никак не чаще одного раза в месяц. Простой же народ, по свидетельству Костомарова, пил редко. Таким образом, пьянство было не правилом, а исключением из повседневной жизни. Когда же оно стало всенародным явлением, а пристрастие к нему приняло болезненные формы?

Опираясь на пословицы, собранные В. И. Далем, мы можем сделать выводы о более дифференцированном социальном отношении к потреблению алкоголя. Наличие в словаре Даля большого числа народных выражений, пословиц и поговорок, связанных с хмельными напитками, свидетельствует, с одной стороны, о глубоких наслоениях эпох, с другой – о том, что эти наслоения связаны в первую очередь не с крепкими спиртными напитками – основными предпосылками девиантного поведения, а с пивом, брагой, ме-

дом и вином. Интересно то, что в поговорках брага и пиво употребляются в эмоционально противоположных контекстах.

Пиво и мед (мед у Даля имеет примечание – *сказочн.*) связывают с праздниками, семейными торжествами, гостями, душевными разговорами, в то время как брага сопутствует попойкам и гульбе. Таким образом, пиво вызывает позитивные ассоциации, пьется в радости и более-менее умеренно, тогда как брага чаще связана с негативными ассоциациями, с неумеренным питием и, как следствие, социальным осуждением бражников. Бражники (гуляки и пьяницы) считаются людьми, одержимыми болезненным пристрастием к алкоголю, бездельниками, осуждаемыми обществом. Иначе говоря, бражничество выступает свидетельством отклонения от нормы. То же можно сказать и о вине, которое пьется не в радости, а с горя, компенсируя психологическую потребность ухода от жизненных трудностей, ухода иллюзорного, но необходимого.

Собранный ученым материал не связан с каким-то определенным периодом истории, но отражает пласты культурных наслоений за несколько веков, вербализуя общественное бессознательное. Анализ этого материала заставляет усомниться в исконной патологической любви русского народа к пьянству.

В то же время пословицы не дают количественных характеристик рассматриваемого явления, они не определены хронологически и не отвечают на вопрос, в какую эпоху в общественном подсознании отложилась та или иная сентенция, для кого она становилась установкой к действию (в частности, формируя умеренное или неумеренное потребление алкоголя). Какой процент составляли бражники, гуляки и пропойцы, ведущие праздный образ жизни? Что именно побуждало людей забываться в вине? Важно также и то, были ли свойственны подобные формы и меры потребления алкоголя русскому народу в большей мере, чем другим. И здесь могут пролить свет свидетельства иностранцев, посещавших Россию. Иностранцам вплоть до XVI века не бросалась в глаза ни любовь русских к попойкам, ни привычка русской знати напиваться до бесчувствия, ни повальное пьянство народа. Это свидетельствует о том, что существенных отличий в потреблении спиртных напитков между русским и другими европейскими народами вплоть до XVI века не наблюдалось.

Известный немецкий дипломат Сигизмунд Герберштейн, посещавший Московию в 1517 и в 1526 годах и подробно описавший жизнь русского народа, не заметил ни пьяного разгула, ни разбоя,

ни празднующихся людей. Народ напряженно трудится, отдыхая в немногие праздники. Как принято было в то время в Европе, пила знать, но лишь по праздникам, а простой народ имел право пить только с разрешения властей и хозяев, причем такое разрешение давалось не всегда (Герберштейн 2003: 152–301).

В 1553 году посетивший Россию английский капитан Ричард Ченслер называет сразу несколько особенностей русской жизни, которых не видел Герберштейн: бедность, разврат, пьянство, голод и высокую плотность населения. Получается, что за 30 лет – за смену двух демографических поколений – пьянство принимает массовый характер (Ченслер 2003: 431–455).

В 1588–1589 годах, т. е. через смену еще двух демографических поколений, в Россию приезжает английский посол Джильс Флетчер, который пересекает страну от Архангельска до Москвы. Он отмечает резкое снижение экономического потенциала и торговли, беспорядок и униженное состояние низших слоев общества, бедность, полное отсутствие порядка, грабежи, убийства, опустевшие деревни и города. В отличие от прежних путешественников Флетчер (2003: 68) наблюдает нежелание народа работать, склонность предаваться «лени и пьянству».

Подробное эмоциональное описание путешествия в Россию в 1664–1665 годах оставил голландец Николас Витсен. Он живописует полное отсутствие порядка, нищету, грязь, непрерывное пьянство дворянства, поголовное пьянство народа (Витсен 1996).

Что же стало причиной таких разительных и быстро происшедших перемен в социальной жизни?

Благодаря демографическому росту, начавшемуся в XV веке, прежде редкая социальная ткань стала сплошной и плотной, способствуя таким образом активации коммуникативных процессов в рамках постоянно пересматриваемой обществом культурной границы. Коммуникативные процессы в благоприятных природных, климатических и социальных условиях второй половины XV века создали первоначальную основу русской позднесредневековой культуры. В это время Русь переживала экономический, политический и психологический подъем. Она освободилась от двухсотлетнего монголо-татарского ига. Возникло независимое Московское государство. Шел процесс интенсивного распаивания лесной целины, который способствовал резкому экономическому и демографическому росту. В результате возник дефицит природных ресурсов, стремительно произошли изменения условий жизни, которые

были мучительны для народа. Уже к концу XV века обозначился катастрофический социально-экологический кризис, нараставший до конца следующего века. Кризис стал причиной сильного напряжения, социальной дезорганизации и психологического дискомфорта в обществе.

Оказались исчерпаны возможности технологий основного производственного процесса, который до этих пор обеспечивал существование народа и сформировал его образ жизни (ранее еще широко распространенная архаичная технология подсечно-огневого земледелия и одновременно сосуществующая с ней и приходящая ей на смену технология безнавозно-пашенная). Демографический рост вызвал дефицит старопахотных земель и вынудил новые поколения пашенных крестьян осваивать лесную целину, сократив тем самым возможности для жизнедеятельности лесного жителя, охотника и собирателя. Его вынудили стать старопахотным земледельцем, сменить прежний уклад жизни и вековые привычки предков. Пашенный земледelec, в массе своей целинник, осваивающий новые природные ресурсы, столкнулся с дефицитом целины и необходимостью перехода от экстенсивного хозяйствования (когда истощенная земля попросту забрасывалась) к интенсивному, замедляющему процесс падения плодородия земли, а в идеале и вообще не допускающему падения.

Дефицит земли обусловил борьбу между безземельными крестьянами и крестьянами, имеющими землю, вотчинниками и монастырями, владельцами земли и крестьянами, владельцами земли и государством, не имеющим возможности оплачивать труд своих служащих иначе как через предоставление той же земли во временное владение – поместье. Итоги борьбы определялись по праву сильного. «Сильным» оказалось государство.

Иная возможность сохранить прежний уклад жизни в новых условиях – ввести в хозяйственный оборот новые природные ресурсы за пределами традиционного жизнеобитания этноса, т. е. за счет соседних народов. Этот вариант требовал у государства концентрации средств для создания мощной армии.

В Судебнике 1497 года государство объявило, что вся земля должна служить, т. е. осуществило юридически национализацию природных ресурсов, блокировав любую возможность развития частной собственности и массового перехода на интенсивное хозяйство. Когда юридическое обоснование стало фактическим, государство пыталось решить проблему дефицита земли за счет природных ресурсов соседей, посредством продолжительных войн.

В одном направлении с войнами воздействовало на общество и изменение климата, оказывая негативное влияние на социально-психологическое состояние населения Московского государства: происходивший в это время переход к Малому ледниковому периоду также подрывал стабильность крестьянского хозяйства. При наложении политических процессов на климатические общая социальная нестабильность возрастала (Кульпин 2005а; 2005б; 2005в).

Во второй половине XV века интенсивно распаивалась лесная целина, наблюдался экономический и демографический рост (удвоение численности населения), что спровоцировало социально-экологический кризис. Совокупность факторов позволяет судить о сильном дефиците пашни к концу XV века. Демографические волны, взявшие старт в XV веке, медленно угасали. В XVI веке земли, пригодные под пашню, были распаиваны. Земли не хватало, крестьяне продолжали осваивать лесную целину, нарушая экологическое равновесие: распаиваемая новь заболачивается или превращается в озера (их массовое появление стало индикатором социально-экологического кризиса). Общество в XVI–XVII веках находилось в состоянии социально-психологического стресса (Он же 2005а).

К началу XVI века вся естественная флора и фауна Московского княжества была уничтожена, вместо естественного ландшафта сложился антропогенный, к концу века неспособный прокормить население края (Каримов 1997). Благоприятные условия XV века стали стремительно меняться на неблагоприятные. Адекватного восприятия этих изменений в обществе не произошло. Продолжала действовать инерция сознания, сформировавшаяся в предыдущее столетие, сохранялись прежние стереотипы поведения, возникшие в других условиях, когда основная масса населения – крестьяне – не испытывала недостатка рабочих мест, целины хватало на всех, у всех желающих был гарантированный уровень существования, обеспечиваемый своим трудом. Привычка к повседневному напряженному труду и редким отвлечениям от него – праздникам – жила в сознании и подсознании людей. Нарастающий дефицит земли позволил владельцам пашни осуществлять сверхэксплуатацию наемных работников. Обезземелившиеся крестьяне готовы были работать на любых условиях. Поскольку инерционно главной ценностью оставался труд, он еще определял сознание, привычки, нравы и нормы поведения: крестьяне работали шесть дней в неделю на владельца земли и один – на себя. Работали, отмечает Герберштейн, даже в праздники, считая, что праздновать и пьянствовать –

дело господ. Люди еще надеялись за счет напряженного труда обеспечить существование себе и своим семьям. Опираясь на свидетельства иностранцев (Герберштейна, Флетчера, Ченслера), можно сделать важный вывод: пока не разразился экологический кризис, пьянство не стало всеобщим явлением. За короткое время были девальвированы простые, но важнейшие ценности, ради чего стоило напряженно трудиться: дом, работа, семья.

Если еще в середине XVI века народ напряженно трудится (хотя качество и уровень жизни уже меняются, а также начинают меняться и нравы людей), то во второй половине XVI века он уже «предается лени и пьянству» (Россия... 2003). Крестьяне покидают деревни, в городах «множество грабежей и убийств» (Там же), человеческая жизнь перестает быть ценностью, возрастает число бедняков и люмпенов.

Нехватка земель обусловила появление нового массового социального слоя – бобылей, безземельных крестьян, обнищавших, одиноких, бездомных людей, численность которых местами доходила до 50 % от всего населения в целом. Бобыль – нередко бомж, это деклассированный элемент, выпадающий из прежних социальных отношений и норм поведения, тот социальный слой, для которого пьянство могло стать образом жизни. Такой слой мог бы считаться маргинальным, если бы он не достиг по численности половины населения. Народ с уникально огромной долей бомжей – весьма специфическое общество, для которого девиантное поведение может считаться уже не исключительным, а нормальным (Кульпин 2005б: 37; 2005в: 43).

В третьей четверти XVI века экологический кризис стал страшной реальностью жизни. Земля дошла до предела истощения. Переход к новому климатическому режиму (Малый ледниковый период) сопровождался ростом стихийных бедствий и сокращением вегетационного периода. Кризис стал комплексным – социально-экологическим: природным, хозяйственным, экономическим, социальным и политическим.

Попытки выйти из социально-экологического кризиса за счет территориального расширения не увенчались большими успехами. «Подрайская земля» Казанского ханства не решила проблему из-за последовавшей 10-летней засухи и восстания народов Поволжья (что спровоцировало 150-летнее противостояние с Крымским ханством). Попытка найти новые земли в Ливонии привела к объединению последней с Великим княжеством Литовским и западными

соседями Московского государства (с перерывами на одновременно происходившую Столетнюю войну).

На протяжении XVI века произошло много тяжелых для страны событий: кровопролитная, политически безрезультатная Ливонская война (1558–1582 годы); разгул опричнины (с 1565 года); непрерывные набеги крымского хана, ежегодно уводившего тысячи пленных, женщин и детей, а в 1571 году захватившего и сжегшего Москву; безумный аморальный разгром Великого Новгорода (1570 год), который учинил Иван Грозный, и наступившее запустение новгородских земель. Все это вызвало резкое падение уровня и качества жизни, нищету, социальную и социально-психологическую деградацию – резкое снижение ценности жизни, чести, имущества – и привело к массовой миграции населения (Кульпин 2008: 62–64).

Не менее щедрым на тяжелые события стал и XVII век: Смута (1605–1613 годы), войны с Речью Посполитой (1608–1618, 1632–1634, 1654–1667 годы) и со Швецией (1608–1617, 1656–1659, 1661 годы), «медный гиль» (восстание 1662 года).

От отъезда Флетчера и до приезда Витсена проходит 76 лет (смена четырех демографических поколений), и, по свидетельству Витсена, можно констатировать апофеоз русского пьянства: пьют все поголовно, беспробудно, чему сопутствует целый комплекс других негативных явлений, связанных с пьянством: разбой, убийства, общее падение нравов, девальвация ценностей.

Выводы, которые можно сделать из всего вышеизложенного, следующие. Пьянство как массовое социальное и культурное явление не всегда было характерно для русского народа. Эволюция пьянства находилась в тесной связи и темпоральной корреляции с обострением в XVI–XVII веках тяжелейшего социально-экологического кризиса. В этот период пьянство, захватившее все слои населения, стало способом ухода от ужасов реальной жизни.

Феномен пьянства можно отнести к аутодеструктивному аддиктивному типу коммуникативной девиации. С одной стороны, причиной, побудившей общество к активному отказу от реальности, стал социально-экологический кризис. Общество тяжело переживало состояние, обозначенное Дюркгеймом как аномия: отчуждение от культурных норм и от социума, апатия и разочарование, следствием чего становятся нарушение социальных связей, коллективного сознания, дезорганизация людей и появление девиаций.

Дюркгейм, предложивший социологическую концепцию коллективного сознания (совокупности убеждений и ценностей, разде-

ляемые всеми членами общества), подчеркивал, что такое явление, как самоубийство, не является индивидуальным поступком, но становится «социальным фактом». На основе данного исследования то же можно сказать и об алкоголизме. Важно, что подобные явления существуют независимо от индивидуальных особенностей людей, поэтому их нельзя объяснить на биологическом или психологическом уровне.

В то же время можно сказать, что значимой причиной массового пьянства послужил конфликт норм, описанный Мертоном. С той особенностью, что вместо утраты баланса между распространенными в обществе представлениями о целях и средствах с возможностью их отрицания или замены (когда вместо конвенциональных средств достижения индивидуальных или общественных целей выдвигаются собственные) люди оказались и вовсе отчуждены от целей, к которым они стремились, поскольку ни конвенциональных, ни противоправных средств к их достижению фактически не существовало.

Рассматриваемый социальный тип, отчужденный как от культурных, традиционных целей, так и от институциональных средств, необходимых для их достижения, составлял на тот момент значительную часть населения. Государство не могло дать ему возможности выхода из кризисного состояния и потому не препятствовало распространению пьянства, отводя ему компенсаторную роль. В состоянии жесточайшего социально-экологического кризиса не был найден механизм взаимодействия с действительностью и обществом в целом и была выбрана крайняя форма проявления девиации – уход от реальности.

Литература

Витсен, Н. 1996. *Путешествие в Московию, 1664–1665*. СПб.: Симпозиум.

Герберштейн, С. 2003. Записки о московских делах. *Россия XVI века. Воспоминания иностранцев*. Смоленск: Русич, с. 152–301.

Даль, В. И. 1989–1991. *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4 т. Т. 1–4. М.: Русский язык.

Дюркгейм, Э.

1994. *Самоубийство: Социологический этюд*. М.: Мысль.

1996. О разделении общественного труда. В: Дюркгейм, Э., *Западно-европейская социология XIX – начала XX века*. М.: МУБУ.

Каримов, А. Э. 1997. Роль Москвы в формировании культуры природопользования в Центральной России (XVI – начало XX вв.). В: Каримов, А. Э. (ред.), *История изучения использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона*. М.: Янус-К.

Костомаров, Н. И. 1995. *Русские нравы*. М.: Чарли.

Кульпин, Э. С.

2005а. О взаимосвязи демографических и миграционных процессов. В: Кульпин, Э. С. (ред.), Клименко, В. В., Пантин, В. И., Смирнов, Л. М., *Эволюция российской ментальности*. М.: ИАЦ-Энергия, с. 12–34.

2005б. Социально-экологический кризис в России XVI–XVII вв. В: Кульпин, Э. С., Клименко, В. В., Пантин, В. И., Смирнов, Л. М., *Эволюция российской ментальности*. М.: ИАЦ-Энергия, с. 34–40.

2005в. Становление основных ценностей россиян. В: Кульпин, Э. С., Клименко, В. В., Пантин, В. И., Смирнов, Л. М., *Эволюция российской ментальности*. М.: ИАЦ-Энергия, с. 40–63.

2008. Становление основных ценностей российской цивилизации. *История и современность 1*: 49–75.

Мертон, Р. 1966. Социальная структура и аномия. В: Никифоров, Б. С. (ред.), *Социология преступности (Современные буржуазные теории)*. М.: Прогресс.

Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003.

Флетчер, Д. 2003. О государстве русском. *Россия XVI века. Воспоминания иностранцев*. Смоленск: Русич, с. 14–151.

Ченслер, Р. 2003. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском. *Россия XVI века. Воспоминания иностранцев*. Смоленск: Русич, с. 431–455.